

РОДИОНОВ В. А.

«ЦЕЛЬНОСИСТЕМНАЯ ТИПОЛОГИЯ» vs.
«ЧАСТНАЯ ТИПОЛОГИЯ»

«Исчерпывающая лингвистическая типология — это самая большая и важная задача, которую предстоит решать лингвистике. В конечном счете, ее назначение в том, чтобы ответить на вопрос: какие языковые структуры возможны, а какие — нет, и почему... Именно — и только — с помощью типологии лингвистика поднимается [до самых крупных обобщений и становится наукой».

Л. Ельмслев

Большое значение для разработки проблем лингвистической типологии имеет, на наш взгляд, изучение динамического взаимодействия «частных типологий» с типологией цельносистемной¹, не получившее пока должной разработки в типологической литературе. В данной статье будет сделана попытка проследить в исторической перспективе, каким образом из теоретически нерасчлененного характерологическо-сопоставительного подхода к осмыслению языкового многообразия шаг за шагом формировался «макротипологический» подход и как (тоже постепенно, но исторически неизбежно) происходил разрыв этого подхода с традиционными теоретическими установками. Под цельносистемной типологией мы будем понимать такой вид типологического описания, при котором исследователь: 1) потенциально ориентируется на привлечение к типологизированию всего доступного ему языкового материала без каких бы то ни было ограничений в отношении количественного и качественного состава конкретных языков; 2) допускает теоретическую возможность сведения всего многообразия языковых структур к предельному числу типовых образцов; 3) признает необходимость оперировать абстрактным понятием «типа» как средством упорядочения языкового многообразия. В отличие от этого к частным видам типологического исследования можно отнести: типологию подсистем, характерологию, сопоставительную лингвистику.

В типологии подсистем (частная типология) — объектом описания служит одна подсистема языка (например, фонология, синтаксис, иногда даже типология пассивных конструкций, местоимений, терминов родства). В принципе здесь предполагается описание самых разнообразных возможностей оформления частной подсистемы при открытом списке языков.

Характерология сосредотачивается на анализе всей системы одного языка (или группы языков) в относительной независимости от рассмотрения других языков [5, с. 37—38; 6, с. 43—45].

¹ Мы ограничиваемся рассмотрением так называемой «формальной» типологии, имеющей длительную историю; типология контенсивная — предмет особого рассмотрения (ср. [1—4]).

Сопоставительная (контрастивная) лингвистика, как правило, исследует сходства и различия между двумя языками (при закрытом списке) часто с учетом их генетической принадлежности [7, с. 12]. Сопоставительная лингвистика характеризуется прежде всего неразграниченностью в ней лингвистических (включая социо- и психолингвистику), методических и психологических аспектов.

Перечисленные виды типологического описания можно противопоставить цельносистемной типологии как частные, т. к. они исходно ориентированы на рассмотрение ограниченного языкового материала (в первом случае речь идет об одной подсистеме языка, во втором и третьем случаях — о закрытом списке языков). Эта принципиальная ограниченность (обозримость) языкового материала предопределяет характер конструктивного взаимодействия цельносистемной типологии с типологиями частными. Цельносистемная типология (выступающая полномочной представительницей общетипологической теории) заинтересована преимущественно в получении конкретных языковых данных, «сырья» для дальнейших теоретических обобщений; в частных же типологиях используется главным образом разрабатываемый общей типологией понятийно-терминологический аппарат, который, разумеется, тоже переосмысливается в применении к решению конкретных задач частных типологий.

Конкретность и расчлененность языкового материала, характеризующая частнотипологическое описание, ставит исследователя в более выгодное положение по сравнению с лингвистом, разрабатывающим цельносистемную типологию. При заданной ограниченности подлежащих анализу языковых явлений, а также при заведомо ограниченном числе языков описание начинается непосредственно с наблюдения языковой реальности и не предполагает обращения к абстрактным категориям, какими, например, являются языковые типы. Не приходится поэтому удивляться тому, что в настоящее время наблюдается опережающее развитие именно частных типологий, цельнотипологическая проблематика привлекает к себе значительно меньше внимания, оставаясь как бы делом будущего — последним, результирующим этапом обобщения знаний о многообразии языковых структур.

Иерархия взаимоотношений частных типологий с цельносистемной типологией станет более наглядной, если обратиться к опыту первых типологических классификаций (кратко история развития типологии и основных ее теоретических понятий рассмотрена нами в работе [8]). Анализируя труды языковедов типологической ориентации (от Ф. Шлегеля и В. Гумбольдта до Ф. Финка), легко убедиться в том, что они так или иначе использовали все упомянутые виды типологического описания. В частности, у них явно просматривается характерологический компонент описания: исследуются морфологические характеристики² различных групп (семей) родственных между собой языков — индоевропейской, семитской, тюркской и т. д., — каждая из которых иллюстрируется материалом языка, наиболее ярко воплощающего в себе (по мнению исследователя) свойства всей группы, т. е. обладающего свойством

² Критерием, на основе которого устанавливалась классификационная принадлежность языка, являлась, как известно, 1) способность / неспособность корней изменяться при образовании грамматических форм (Ф. Шлегель, Ф. Бопп, М. Мюллер); 2) соотношение формы и содержания (Form und Stoff) (А. Потт, А. Шлейхер, Г. Штейнталь, Ф. Финк). Подробнее об этом см. [8, с. 212—213].

«обобщенности» и «репрезентативности» (термины С. Д. Канцельсона [9, с. 22]). Для и.-е. языков в качестве «markante Sprachen» избирались санскрит, древнегреческий, латынь; для семитских — древнееврейский, арабский; для тюркских — турецкий и т. д.³ Можно выделить также и элемент сопоставительно-лингвистического описания — неиндоевропейские языки поочередно сравниваются по указанным морфологическим параметрам с древними индоевропейскими языками (типологически наиболее однородными), а отчасти — с современными европейскими (менее однородными типологически). Разумеется, предлагаемая схема условна — по всей вероятности, ни один из исследователей не придерживался сознательно такой методики. Оба вида описания как бы сливались для него в единую процедуру. К сказанному можно добавить, что, поскольку целью описания является сопоставление главным образом морфологической структуры в языках разных типов, то данное описание можно трактовать как типологию подсистемы (в данном случае, морфологической). Однако такое утверждение справедливо лишь с очень существенной оговоркой.

Едва ли есть основания сводить морфологическую классификацию, даже в ее изначальном виде (вариант братьев Шлегелей), к типологии одного уровня. Принципиальное отличие такого подхода от любого вида частнотипологического описания — несмотря на очевидные в наше время методологические слабости первых типологов-классификаторов — состоит в том, что он характеризуется основными чертами цельносистемной типологии, а именно: 1) ориентирован на охват всех известных науке языковых групп (разумеется, здесь нас интересует только общая установка исследователя, но никак не конечный результат, который значительно скромнее); 2) предполагает, что описываемые типовые образцы исчерпывают все возможные и существующие разновидности человеческого языка (это утверждение нигде специально не декларируется, но имплицитно содержится в самой исследовательской теории)⁴. Остановимся подробнее на первом пункте нашего утверждения.

Невозможность привлечения к рассмотрению всего многообразия реализованных языковых структур становится очевидной, если учесть отсутствие описаний целого ряда неиндоевропейских языков в период появления первых типологических опытов. Позже, по мере вовлечения в лингвистическую орбиту новых языков и языковых семей, расширялся соответственно и типологический горизонт исследований, вводились новые обозначения для вновь обнаруженных классов, переосмысливались старые.

Вначале типологические построения охватывали лишь замкнутый круг филологически хорошо изученных языков с давней письменной традицией — древнегреческого, латыни, древнееврейского (позже — санскрита), обладавших несомненным культурным престижем. Из со-

³ Временная несводимость сопоставляемых языков (правда, не имеющая ничего общего с историчностью), несомненно, черта формирующегося типологического подхода. Более яркий пример (но с элементом историзма) — привлечение к сопоставлению заведомо разновременных языков: древних (синтетических) и новых (аналитических) у А. Смита [10].

⁴ Несмотря на кажущуюся наивность такого предположения приходится признать, что вовлечение в лингвистический обиход ранее не описанных языков изменило наше представление о типе в большей мере качественно (за счет детализации и уточнения ранее известных фактов), чем количественно (т. е. открытия каких бы то ни было новых морфологических типов.)

временных языков привлекались только индоевропейские, причем предпочтение отдавалось языкам германской и романской групп.

Первая попытка сознательного сопоставления древних («простых») языков с языками новыми [«составными»] (compounded): термин предполагает использование в этих языках аналитических оборотов] принадлежит А. Смиту [10]. Поскольку сопоставление этих групп было необходимо ученому для доказательства своего тезиса о развитии человеческого мышления от конкретности к абстрактности (синтетический строй: аналитический строй), естественно, что он нашел возможным обосновать свое положение, не выходя за рамки хорошо знакомых ему и.-е. языков.

Почти одновременно с трактатом А. Смита предложили свою классификацию языков авторы «Энциклопедии» под редакцией Дидро и Даламбера, выделившие языки «аналогические» (порядок слов аналогичен порядку изложения мысли) и «транспозитивные» (при построении предложения происходит изменение форм и порядка слов). Это распределение (в сущности на те же аналитические и синтетические, что и у А. Смита) производится здесь на основании чисто структурного сходства, и поэтому оно типологически довольно объективно, хотя и противоречит родственным связям. Так, в первой группе оказываются: древнееврейский и современные романские языки, во второй — древнегреческий, латынь и немецкий (последний признается испытавшим сильное влияние «аналогических» языков). В этой классификации, как мы видим, также соблюдена европоцентрическая ориентация, если не считать включения в нее древнееврейского языка.

Постепенный выход из ограниченного круга и.-е. языков начинается примерно с начала XIX в. С этого периода почти безраздельно господствует морфологическое понимание типологии; соотношение аналитизма и синтетизма, напротив, временно как бы отодвигается на периферию внимания. Происходит расширение «типологического ареала» — переход в другую плоскость, т. е. из противопоставления по вертикали «древние (индоевропейские) языки: новые (индоевропейские) языки» в противопоставление по горизонтали: «индоевропейские языки: неиндоевропейские языки».

Так, у Ф. Шлегеля мы находим наряду с флективными и.-е. языками описание языков «аффиксирующих» (агглютинативных) — к ним он относит тюркские и семитские языки [11, с. 48]⁵. Показательно, что Ф. Шлегель, иллюстрируя принцип агглютинации на материале современных тюркских языков, привлекает факты современного арабского [11, с. 48].

А. Шлегель, переработавший типологическую классификацию брата, ввел в типологическое употребление понятие «языков без какой бы то ни было грамматической структуры», т. е. изолирующих (китайский)⁶. Кроме того, он значительно расширил круг агглютинативных языков, отнеся к этому классу помимо тюркских еще и языки американских индейцев, баскский и некоторые другие [14, с. 224—225].

В. Гумбольдт, обладавший поистине необычным для своего времени лингво-типологическим кругозором, считал америндейские и палеоазиатские языки отдельным классом — «инкорпорирующим». Таким об-

⁵ Ср. определение последних как «флективно-агглютинативных» [12, с. 154].

⁶ Напомним, что в настоящее время положение об аморфности слова в китайском языке большинством лингвистов отвергается (см. [13, с. 141]).

разом, было выделено то количество морфологических типов, которое в основном существует в типологической практике до настоящего времени ⁷.

В работах более поздних исследователей разработка типологического материала шла главным образом по пути дальнейшей детализации описания конкретных языковых структур, что, в свою очередь, способствовало чрезвычайной дробности классификации. При таком подходе почти любой язык представлялось возможным выделить в особый класс. В результате Г. Штейнталь [16] и Ф. Финк [17] насчитывают по восемь языковых «типов», Ф. Мистели — шесть [18], а Э. Сепир — двадцать один [19].

В истории типологии бывали случаи, когда наблюдался процесс, противоположный отмеченному выше стремлению детализировать языковые «типы» (как, например, у Г. Штейнталья и Ф. Финка). Так, А. Шлейхер сознательно игнорировал структурное своеобразие инкорпорирующих языков, что давало возможность беспрепятственно вернуться к трехчленной схеме, навеянной гегельянской триадой (тезис — антитезис — синтез), а также натуралистическим пониманием языка как рождающегося, развивающегося и умирающего организма. Впрочем, по объему рассматриваемых языков А. Шлейхер ничем не уступал современникам: в свою априорную, заведомо «закрытую» схему он сумел «втиснуть» довольно большое число ранее не описывавшихся языков [20, с. 6—12]. Значительно позже трехчленная схема привлекла к себе внимание Н. Я. Марра, иллюстрировавшего на примере трех языковых типов стадии единого глоттогонического процесса [21, с. 52—55].

Если проанализировать конкретный состав языков, включаемых в типологические классификации всеми языковедами от Ф. Шлегеля до Ф. Финка, нетрудно убедиться, что некоторые из этих языков (санскрит, турецкий, китайский) прочно занимают свое место в схеме любого исследователя, в то время как другие (например, кавказские) четким типологическим статусом здесь не обладают ⁸. Причина такого положения заключается, по-видимому, в том, что далеко не все привлекаемые к описанию языки равноценны с типологической точки зрения. Действительно, санскрит (а в значительной мере и классические и.-е. языки) в силу своей относительной типологической однородности дают возможность понять, что такое флективность как определенная техника морфологического строя, пронизывающая все существо языковой системы. Свообразие флективного строя становилось для исследователя особенно очевидным при сопоставлении этого строя со вторым членом контрастной пары — древним литературным китайским. Принцип агглютинации хорошо иллюстрировался на примере такого языка, как турецкий, воплощающего в себе также совершенно своеобразный морфологический тип. Несводимыми ни к какому другому типу представлялись исследователю языки американских индейцев, последовательно проводящие принцип полисинтетизма.

Все названные языки обладали именно тем качеством «обобщенности» и «репрезентативности», которое (как уже говорилось) составляет непре-

⁷ К четырехчленной классификации (вероятно, даже раньше В. Гумбольдта) пришел А. Дюпонсо в одной из малоизвестных работ по языкам американских индейцев. Языковые классы у него обозначаются синтаксическими терминами: «асинтаксический» (= изолирующий), «аналитический» (= агглютинативный), «синтетический» (= флективный) и «синтаксический», или «полисинтетический» (= инкорпорирующий) у В. Гумбольдта (цит. по [16, с. 13]). К сожалению, эта статья (1819 г.) не привлекла к себе должного внимания современников — ее упоминает мимоходом только Г. Штейнталь. Нам она тоже осталась недоступна.

⁸ Кавказские языки практически отсутствуют в схемах типологов XIX в. Лишь Ф. Финк рассматривает грузинский язык в числе своих восьми типов.

менный атрибут понятия «языковой тип». Напротив, языки типа кавказских («агглютинативные с явлениями флективности... и полисинтетизма...») [22, с. 64] в силу своей очевидной типологической неоднородности таким свойством не обладают. Поэтому их включение в типологическое описание в достаточной мере факультативно и либо преследует чисто классификационные цели, либо предполагает характерологическое описание данных языков (например, соотношение всех трех типологических компонентов на различных уровнях системы отдельного языка или группы языков).

В типологической теории XIX в. каждый конкретный тип языковой структуры представляется как бы закрепленным за определенной генетической группой языков, строго локализованной ареально: и.е. языки выступают единственными представителями языков флективных, китайский (и родственные ему) воспринимаются как эталон изолирующего строя, америндейские и палеоазиатские воплощают идею полисинтетизма. При такой строгой ареально-генетической закреплённости языковой структуры за группой родственных языков не может возникнуть представления о повторяемости языкового типа, т. е. о потенциальной способности его появления в любое время и в любом месте. Единственный вид языкового строя, могущий создать у исследователя впечатление безусловной повторяемости (в первую очередь, в силу значительной территориальной разбросанности), — это агглютинативный тип, как известно, самый распространенный вид языковой структуры.

Только способность теоретически оторвать набор специфических характеристик от генетически связанной языковой общности и затем спроецировать этот набор признаков на другой, родственно не связанный с данной общностью язык, открывала возможность осмыслить проецируемые характеристики как один из способов реализации человеческого языка вообще. Например, изучив характерные черты тюркских языков и осмыслив их как непеременимые признаки строя, организованного по агглютинативной схеме (основа + цепочка аффиксов), исследователь мог убедиться в безусловном типологическом сходстве этих языков с языками финно-угорскими, в которых при наличии аналогичной структурной схемы имелись те же основные характеристики. Оставалось только объединить обе языковые семьи общим понятием агглютинативного типа.

Лишь совершив эту мыслительную операцию, исследователь способен был произвести качественный теоретический переход от частносистемной типологии к цельносистемной. В противном случае типология была обречена на то, чтобы остаться на уровне традиционной классификации. Этот качественный переход нашел свое воплощение значительно позже в «типологических конструктах», иерархически организованных идеальных построениях, каждое из которых состоит из типообразующего признака и комбинации имплицативно связанных с этим признаком характеристик⁹.

Идея имплицативной связанности признаков имеет принципиальное значение для развития типологической теории, поскольку только на основании учета имплицативных связей признаков можно построить логически непротиворечивые абстрактные эталоны сравнения — языковые типы¹⁰.

Можно предполагать, что уже В. Гумбольдт осознавал реальность существования межуровневых имплицативных связей. Он, в частности, отмечает взаимообусловленность моносиллабизма (в китайском языке)

⁹ Подробнее о типологической концепции В. Скалички см. в нашей работе [8, с. 218—219].

¹⁰ О различных значениях понятия «тип языка» см. [8, с. 208—211].

с наличием тонового варьирования [23, с. 264], связь флексии со свободным порядком слов [22, с. 126, с. 145]. Показательно, что В. Гумбольдт рассматривает подобные зависимости скорее как свойственные вообще изолирующему и флективному типам соответственно, нежели как связи признаков конкретно в китайском языке и санскрите. Отдельные попытки сформулировать имплицативные зависимости одних типологических черт от других предпринимались позже Ф. Мистели. Характерно, что исследователь нередко абстрагируется от традиционного отождествления понятия типа с понятием типологического класса. По его наблюдениям, инкорпорация связана со слабым развитием падежей и придаточных предложений [16, с. 135], с наличием отдельных лексем для выражения действий, совершаемых разным способом или направленных на различные объекты [16, с. 152]; с моносиллабизмом связаны: слабая выраженность частей речи, твердый порядок слов, тоновое варьирование [16, с. 205]. Примеры можно было бы умножить (ср. [8, с. 214]).

Однако если в работах В. Гумбольдта и Ф. Мистели разработка имплицативных связей признаков не носила системного характера, а ограничивалась отдельными замечаниями и догадками, то лингвисты Пражской школы положили принцип взаимообусловленности языковых явлений в основу построения типологии. В концепции типологических конструкций В. Скалички был осуществлен синтез всего комплекса теоретических (главным образом интуитивных) достижений предыдущего этапа развития типологии. Сюда входят: 1) данные, полученные эмпирически в рамках традиционной морфологической классификации; 2) тезис о системном характере языка (В. Гумбольдт, Г. фон Габеленц [24]¹¹, И. А. Бодуэн де Куртенэ [25]); 3) понимание типа как предельной степени развития определенной тенденции, не способной в полной мере быть реализованной в естественных языках (В. Гумбольдт), и связанный с таким пониманием принцип приближенности конкретного языка к своему идеалу — экстремуму (В. Гумбольдт — Ф. Финк).

Из теоретических достижений собственно Пражской школы В. Скаличка использовал: 1) метод характерологического описания языков (В. Матезиус [26]); 2) тезис Р. Якобсона о существовании имплицативных связей между языковыми явлениями [27]; 3) теорию В. Матезиуса о «потенциальности» языковых явлений [28]. При разработке своих типологических конструкций В. Скаличка учел все виды типологического описания (типологию подсистем, характерологию, сопоставительную лингвистику). Однако в отличие от многочисленных предшественников В. Скаличка не остановился на том этапе, на котором остались типологи-классификаторы. Он внес в типологическую теорию недостающий компонент, без которого она не могла стать подлинно системной, — логически непротиворечивый и никогда полностью не реализуемый в естественных языках абстрактный эталон сравнения — типологический конструкт.

Первое практическое воплощение идея взаимосвязей языковой системы — правда, на примере одного уровня — получила в уже упоминавшейся работе Р. Якобсона. Он установил следующие закономерности фоноло-

¹¹ «Создается впечатление, — пишет Г. фон Габеленц, — что в языке некоторые черты играют более определяющую роль, чем другие. Эти черты следует выявить с тем, чтобы разбраться, какие другие признаки регулярно с ними соотносятся. Я имею в виду свойства построения слов и предложений, выраженность одних грамматических категорий и невыраженность других. Похоже, что все это каким-то образом связано с фонетикой» [24, с. 481].

гических корреляций, имеющие вид логических импликаций: 1) если в языке есть А, то есть и В; напротив, если нет В, то нет и А; 2) если есть А, то нет В; следовательно, если есть В, то нет А [27, с. 17]¹².

В. Скаличка вносит существенную поправку в тезис Р. Якобсона и вместо строгой двузначной импликации в духе бинарной логики постулирует существование «потенциальных» отношений взаимозависимости: если в языке есть явление А, то наличие в нем явления В вероятнее, чем в языке, не имеющем А (например, при наличии в языке правила «одно окончание для каждой словоформы» в нем можно предположить существование согласования и свободного порядка слов — флективный тип). В языке, где правилом является схема основа + цепочка формальных элементов (агглютинативный тип), согласования и свободного порядка слов ожидать не приходится.

Уже в своей первой работе, посвященной сопоставительному описанию четырех языков (венгерского, финского, турецкого, чешского), В. Скаличка попытался вывести ряд импликаций, свойственных агглютинации как приему (т. е. как типу в языке). Сопоставление указанных языков было необходимо исследователю для того, чтобы выявить и затем проверить на материале этих языков обязательный набор признаков, сопровождающих агглютинативную технику. Ясно прослеживается его методологическая установка — обнаружить причинно-следственные связи и естественную иерархию разноуровневых (главным образом морфонологических) свойств [29]¹³. В этой работе В. Скаличка дает определение типа, которое с незначительными вариациями будет повторяться в его последующих типологических работах: тип — это редко (или никогда не) реализуемое предельное состояние (экстремум), в котором наиболее сильно развиты взаимоблагоприятствующие явления [29, с. 119].

В. Скаличка резюмирует свои наблюдения над особенностями сопоставляемых языков с тем, чтобы сопоставить в результате уже не собственно языки, а пучки взаимообусловленных явлений, составляющих характеристику агглютинативного строя (на примере наиболее выдержанного типологически языка — турецкого) и флективного (характеристики которого иллюстрируются чешским языком). Ему удается логически обосновать закономерность наличия при агглютинативной модели таких явлений, как вероятность сингармонизма, слабое развитие омосемии и омонимии, отсутствие флексии; слабая дифференциация словообразовательных аффиксов и окончаний, а также слабое различие глагольных и именных окончаний. Столь же органично со слабым развитием приема агглютинации связаны такие структурные свойства, как возможность предельно кратких сем, их ограниченная слоговая самостоятельность, распространенность омонимии и омосемии, наличие флексии, четкая диф-

¹² Уже у В. фон Габеленца мы находим указание на возможность предсказывать наличие одних явлений по наличию других. «Как выигрышно было бы для науки, — пишет он, — если бы мы смогли сказать языку: „Поскольку ты обладаешь этой особенностью, можно предсказать в тебе наличие таких-то свойств и такого-то общего характера“». Кстати, ученый предлагает название для лингвистической дисциплины, которая должна заниматься исследованием взаимосвязей между языковыми явлениями: «Если бы предстояло выбрать имя еще не родившемуся ребенку, то я бы предложил имя т и п о л о г и я» [24, с. 481]. По-видимому, это первое употребление термина «типология» в современном понимании.

¹³ О разграничении связей сосуществования (действующих при выключенном времени) и причинно-следственных связей (действующих при включенном времени) см. в работе Ю. С. Степанова [30, с. 111—112]. П. Рамат говорит об отношениях «корреляции» и отношениях «зависимости» между языковыми явлениями [31, с. 24].

ференциация словообразовательных аффиксов и окончаний, глагольных и именных окончаний и т. д. [29, с. 114—117]. В этой же работе В. Скаличка приводит некоторые наблюдения, касающиеся полисинтетизма и изоляции как других возможных приемов языковой техники. Впрочем, здесь эти приемы интересуют его больше с точки зрения способности комбинироваться с агглютинацией и флексией. Позднее В. Скаличка использует (и совершенствует) свои типологические методы при описании ряда конкретных языков: чешского [31], банту [32], разговорного китайского [33].

Впервые целостное описание грамматических систем пяти типов — изолирующего, агглютинирующего, флектирующего, интрофлексивного и полисинтетического В. Скаличка предлагает в работе [34]. Описание выполнено с чисто характерологических позиций: почти полностью отсутствует элемент сопоставительного описания. Автор уделяет больше всего внимания существительному (около 10 признаков), глаголу (3—5 признаков), прилагательному (2—5 признаков). Вскользь охарактеризованы наречия, числительные, местоимения, дано некоторое представление о синтаксическом строе.

К сожалению, в данной работе В. Скаличка подробно остановился только на описании трех первых типов — два остальных (интрофлексивный, иллюстрируемый арабским, и полисинтетический — китайским) по не вполне понятным причинам очерчены весьма схематично¹⁴. Кроме того, не совсем удачным представляется выбор французского языка как «*mag-kante Sprache*» для изолирующего типа и китайского языка — для иллюстрации полисинтетического типа. Такой подход (оправданный, может быть, с чисто структурной точки зрения) неправомерно лишает эти языки исторической конкретности¹⁵. Нацеленность работы на характерологическое описание не позволила В. Скаличке продолжить исследование взаимосвязи между отдельными структурными свойствами и явилась причиной того, что многие плодотворные мысли, высказанные им в предыдущих публикациях, остались без дальнейшей разработки.

Проблема взаимообусловленности языковых явлений была рассмотрена В. Скаличкой в его работе 1966 г. Он исходит из того, что непоследовательности, обусловленные политипологичностью любого языка, не дают возможности составить адекватное представление о языковом типе. Тип лишь в том случае будет соответствовать своему определению, если он будет полностью освобожден от свойств, не укладывающихся в рамки строго детерминированного набора характеристик. Придать построению такую детерминированность могут лишь признаки, составляющие его, но только при условии, что они взаимно поддерживаются друг другом. Такая комбинация признаков будет называться уже не типом, а т и п о л о г и ч е с к и м к о н с т р у к т о м.

¹⁴ Преимущественное внимание В. Скалички к агглютинативному, изолирующему и флексивному типам (своего рода возвращение к трехчленной схеме) объясняется, по-видимому, тем, что автор признает относительно большую выдержанность этих типов, не свойственную, по его мнению, двум остальным типам. Действительно, едва ли можно представить себе язык, проводящий без ограничения тенденцию к интрофлексивности или полисинтетизму.

¹⁵ На это справедливо указывал Н. Н. Коротков [35, с. 26—31]. О типологических различиях между английским и китайским языками см. также у Н. В. Солнцевой, В. М. Солнцева [36, с. 83—86].

Конструкт агглютинативного типа:

1) Основной признак — имеется корень, к которому присоединяются формальные элементы; таким образом, слово состоит из корня + нескольких аффиксов; формальных слов очень мало.

2) Следует из 1) ¹⁶ — отсутствуют части речи; любой аффикс присоединяется к любому корню (личные окончания — к существительным, падежные — к глаголам и т. д.).

3) Следует из 1 и 2) — словообразование осуществляется с помощью деривационных аффиксов; и грамматическое, и лексическое значения выражаются аффиксами.

4) (Следует из 3) — слабо противопоставляются словообразовательные аффиксы и окончания, они образуются одинаково.

5) (Следует из предыдущих — главным образом, по-видимому, из 1) ¹⁷ — слабо развиты а) синонимия и омонимия и б) слоговая самостоятельность.

6) Фиксированный порядок слов (связи не указаны — должно быть, из 2).

7) (Следует из 2) — отсутствуют придаточные предложения; множество инфинитивных, причастных, деепричастных конструкций, именных глагольных форм.

Конструкт флектирующего типа:

1) Основной признак — небольшое количество окончаний; обычно слово состоит из основы + одного окончания; любая лексема имеет окончание, выражающее его грамматическую форму.

2) (Следует из 1) — к каждому слову прибавляется окончание, выражающее основное грамматическое значение. У различных слов оно неодинаково. Таким образом, слова четко различаются по своим семантическим и синтаксическим свойствам.

3) (Следует из 1 и 2) — словообразование осуществляется путем перевода слов в другой класс (например, изменением его рода).

4) Четко противопоставляются окончания и деривационные аффиксы; аффиксов немного или может вообще не быть (связи не указаны — должно быть, из 3)

5) (Следует из 1) — окончание может: а) не иметь самостоятельного слога, б) совмещать несколько функций, в) быть в отношении синонимии и омонимии с другими окончаниями.

6) (Следует из 1 и 5) — свободный порядок слов.

7) (Следует из 2) — имеются придаточные предложения.

Конструкт изолирующего типа:

1) Основной признак — небольшое количество аффиксов (могут вовсе отсутствовать); слова одноморфемны, много формальных слов; семантический элемент сопровождается большим количеством недифференцированных формальных элементов.

2) (Следует из 1) — слабо дифференцируются части речи; широко представлена конверсия.

¹⁶ Импликативные связи, приводимые нами в скобках, у В. Скалички указаны в свободной форме без строгой формализации.

¹⁷ У В. Скалички указание на связи отсутствует, дополнено нами.

3) (Следует из 1) — отсутствуют словообразовательные аффиксы; словообразование осуществляется только с помощью различных лексем.

4) (Следует из 3) — в связи с отсутствием деривационных аффиксов отсутствует их противопоставление окончаниям (пустая клетка анкеты).

5) По фонематическим свойствам формальные элементы почти всегда совпадают с семантическими; и те, и другие являются самостоятельными словами, поэтому они односложны и находятся друг с другом в отношении синонимии и омонимии (связи не указаны; по-видимому, из 1).

6) (Следует из 1) — фиксированный порядок слов.

7) (Следует из 1) — сильно развиты придаточные предложения.

В схеме В. Скалички очевидно преобладание морфологических характеристик, тогда как синтаксис и фонология учтены в значительно меньшей мере¹⁸. Порядок подачи признаков предполагает наличие между ними естественной иерархии, поэтому основной признак является как бы детерминирующим для остальных или, во всяком случае, для большинства из них. Каждый последующий признак определяется предыдущим (или предыдущими), хотя нельзя сказать, чтобы сеть составляла безусловно выдержанную систему.

Желая уточнить характер взаимоотношений между признаками, и, в частности, понятие «взаимного благоприятствования», П. Сгалл предлагает различать две возможности: 1) «А благоприятно для Б» — отношения рефлексивны, асимметричны и транзитивны; 2) «А и Б взаимно благоприятны» — здесь возможны два варианта: а) каждая пара элементов благоприятствует друг другу или б) по крайней мере один из элементов в каждой паре может быть благоприятствующим для другого (только в случае 2а можно считать, что любое из свойств, образующих тип, действительно благоприятствует всем остальным).

Естественно, что такая возможность не может быть полностью реализована в данной типологической концепции, т. к. среди свойств, приводимых в списке, есть такие признаки, которые характеризуют сразу несколько типов (например, слабое различение частей речи в агглютинирующем, изолирующем и полисинтетическом типах). Следовательно, такое свойство не может считаться благоприятным для какого-либо другого признака, который был бы присущ исключительно одному из типов. Нельзя, например, постулировать, что неразличение частей речи способствует обилию вспомогательных слов, поскольку такое положение характерно не только для изолирующих языков, но и для агглютинативных (где вспомогательных слов почти нет). Однако противоположное справедливо — обилие аффиксов в агглютинативных языках и вспомогательных слов в языках изолирующих способствует плохой дифференциации частей речи.

Есть в приводимых списках такие признаки, которые нетрудно свести к другим признакам. Например, если учесть, что агглютинирующий тип характеризуется последовательным присоединением служебных элементов к лексической единице, излишне отмечать наличие в нем также притяжательных аффиксов. Согласование прилагательного с именем во флективном типе также можно рассматривать как частный случай реализации схемы «у каждой словоформы одно окончание».

Потенциально число признаков можно довести до одного — благоприятного для всех остальных признаков типа.

¹⁸ По мнению В. Скалички, фонология (за исключением комбинаторики и относительного преобладания гласных или согласных), а также лексика (кроме словообразования) прямо не соотносятся с общей типологией [37, с. 21].

Это основное свойство (своего рода детерминанта типа) должно, по-видимому, выражать отношения между семантическим (глубинным) уровнем и морфематической и формально-синтаксической поверхностными структурами отдельных языков. Логически допустимо лишь очень ограниченное число вариантов соотношения семантических и грамматических единиц. Это соотношение может передаваться:

1) с помощью четко организованной (грамматикализованной) последовательности семантических единиц — полисинтетический тип;

2) с помощью самостоятельных морфем (служебные слова имеют тот же статус, что и семантические элементы, т. е. равны словам) — изолирующий (аналитический) тип;

3) с помощью морфем, имеющих статус, отличный от статуса семантических единиц, и присоединяющихся к семантическим единицам — агглютинативный тип;

4) путем чередования (морфологических вариаций) в конце семантической единицы, которое обуславливает у каждой формы слова наличие одного окончания — флективный тип;

5) путем чередования внутренней части семантического элемента (за счет изменения гласных) — интрофлективный тип [39, с. 8—9].

Интересен формализованный вариант типологии В. Скалички, предлагаемый П. Сгаллом. Исследователь считает возможным свести подмножество признаков, составляющих определенный тип, к меньшему числу основополагающих характеристик (типобразующих признаков). Так, наличие деривационных аффиксов в агглютинативном конструкте автоматически выводится из схем «основа + цепочка аффиксов», свободный порядок слов во флективном конструкте обуславливается наличием схемы «у каждой словоформы одно окончание», использование композиции для словообразования в полисинтетическом конструкте следует из свойства «использование семантических элементов в грамматической функции» и т. д. [40, с. 121—123].

Наряду с типологией В. Скалички — П. Сгалла, вошедшей в золотой фонд типологической теории и практики, заслуживает внимания, на наш взгляд, не менее плодотворная (но не получившая столь же широкой известности)¹⁹ детерминантная типология Г. П. Мельникова.

Рассматривая язык как «самонастраивающуюся» систему, оптимизирующуюся по конкретной доминирующей тенденции (детерминанте), Г. П. Мельников считает, что в результате этой оптимизации «с х е м а в з а и м о с в я з е й компонентов системы... и выбор тех или иных с у б с т а н т н ы х характеристик... оказываются целесообразно взаимно подогнанными, приспособленными, в результате чего каждой из конкретных детерминант соответствует вариант системы с вполне у н и к а л ь н о й разновидностью структуры» [42, с. 129—130].

Г. П. Мельников подошел к выведению и формулировке детерминанты для каждого из традиционных морфологических типов методом индукции, справедливо считая, что чем глубже мы проникнем в характер конкретного языка, тем легче нам удастся выявить общую причину целого ряда следствий — языковую детерминанту. В результате для изолирующего типа («лексикологические языки», по Соссюру) детерминанта была определена как «стремление к максимальной лексикализации» или, если идти

¹⁹ В зарубежных работах по теории и истории типологии концепция Г. П. Мельникова упоминается незаслуженно редко (например, в [41, с. 62], впрочем, и здесь довольно бегло).

от противного, «тенденция к минимальной производности корней». Наиболее подробно «идеальный изолирующий тип» со всеми признаками, имплицитруемыми данной детерминантой, описан в [43, с. 362—365].

Языки «интрофлексивные» (семитские), по наблюдениям Г. П. Мельникова, характеризуются прямо противоположной тенденцией — «стремлением к максимальной производности корней» (по Соссюру, «языки грамматические»; см. их описание с позиций детерминантной типологии в [44—46]). Языки агглютинативного типа (тюркские) имеют в качестве детерминанты «принцип экономии служебных элементов» [47—49]. Ведущей тенденцией языков флексивного типа является, считает Г. П. Мельников, «принцип экономного выражения служебных значений», другими словами, в служебных элементах здесь диффузно представлены и дериационные, и реляционные значения [42, с. 137]. Исследователь не обходит вниманием и полисинтетический тип языков. По его мнению, полисинтетический комплекс — это не просто сложное слово, а цепочка нескольких предикативных ядер, т. е. цепочка предложений, правда, значительно более абстрактных, чем предложения в других типах. В качестве существенной черты данного типа он приводит «относительно высокую, но качественно одинаковую абстрактность морфем», что ведет к многоядерности высказывания (об импликациях такой детерминанты см. [50, с. 588—590]).

Итак, подведем некоторые итоги. Из всех рассмотренных нами типологических концепций на право называться цельносистемными, по-видимому, могут претендовать лишь типология конструктов Скалички-Сгалла и концепция идеальных типов Г. П. Мельникова.

В теоретическом отношении обе концепции роднит целый ряд общих черт: а) в том и другом случае мы имеем дело действительно с цельносистемной типологией, не остановившейся на этапе характерологии и контрастивной лингвистики; б) очевидно преимущественное стремление создателей обеих концепций к решению типологических, а не только классификационных задач; в) обе концепции предполагают оперирование абстрактными построениями, понимаемыми как комбинация взаимообусловленных иерархически организованных разноуровневых признаков, соотносимая с конкретным типологическим классом.

Однако в ряде существенных пунктов теория конструктов и концепция идеальных типов отличаются друг от друга — особенно это касается методики исследования.

Как мы видели, пражские лингвисты используют «анкетную» форму экспликации признаков, в результате чего всему построению сообщается некоторая искусственность, схематичность; при таком подходе неизбежны «пустые клетки», тавтология, возможна малая информативность конструкта (ср., например, конструкты интрофлексивного и полисинтетического типов), предполагается также исходная ограниченность признаков. Импликации типа основываются здесь преимущественно на логических умозаключениях, они не всегда поддаются верификации. Все исследование предстает как бы ориентированным на теорию (*theoriebezogen*).

Концепция Г. П. Мельникова, напротив, ориентирована на объект (*objektbezogen*), описание дается как бы «изнутри»: исходно неограниченные уровнево и количественно признаки предстают в своей естественной иерархии. Импликации легко верифицируются, так как они явно выводятся из детерминанты и получают таким образом глубинное обоснование. Все признаки одинаково релевантны, их набор от типа к типу разный, между ними не существует строгих отношений «субординации» (например,

уровень фонологии может давать рефлекс непосредственно на уровне морфологии, а не только наоборот).

Еще одно весьма существенное различие между концепциями заключается в том, что несмотря на то, что оба исследователя стремятся к выявлению взаимосвязей между признаками, понимание этих связей у них неодинаковое. В. Скаличка, идя от структуры, исследует связи сосуществования, т. е. ограничивается комбинаторикой («взаимоблагоприятствованием»), тогда как Г. П. Мельников (идя от системы) ориентируется на вскрытие причинно-следственных связей, что позволяет в конечном счете показать внутреннюю динамику типа.

Последнее качество сообщает детерминантной типологии большую объяснительную силу. Благодаря выявлению детерминанты и прослеживанию ее закономерных импликаций такой подход может дать исчерпывающую «характерологию типа». Не исключено, что с точки зрения типологической теории, концепция выиграла бы от введения сопоставительного аспекта, а также некоторой формализации описания по примеру пражских типологов.

Представляется, что дальнейший путь типологической теории будет пролегать через преодоление неизбежных ограничений обеих охарактеризованных выше цельносистемных концепций, являющихся одинаково правомерными (в чем-то альтернативными, а в чем-то дополняющими друг друга) попытками приблизиться «к тому, что можно назвать проблемой природы языка» (Л. Ельмслев).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
2. *Ярцева В. Н.* К определению понятия «языковой тип» // Лингвистическая типология. М., 1985.
3. *Солнцев В. М.* Типология и тип языка // ВЯ. 1978. № 2.
4. *Климов Г. А.* Принципы континентальной типологии. М., 1983.
5. *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М., 1965.
6. *Рожественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969.
7. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М., 1981.
8. *Родионов В. А.* «Тип языка», «типовой признак» (Эволюция понятий лингвистической типологии) // ИАН СЛЯ. 1987. № 3.
9. *Кацнельсон С. Д.* Лингвистическая типология // ВЯ. 1983. № 4.
10. *Smith A.* Considerations concerning the first formation of languages and different genius of original and compounded languages // The early writings of A. Smith. N. Y., 1967.
11. *Schlegel F.* Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808.
12. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение // *Фортунатов Ф. Ф.* Избр. тр. Т. I. М., 1956.
13. *Солнцева Н. В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
14. *Schlegel A.* Observations sur la langue et la littérature provençale. P., 1818.
15. *Steinthal H.* Die Classification der Sprachen, dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin, 1850.
16. *Steinthal H.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860.
17. *Finck F. N.* Die Haupttypen des Sprachbaus. Leipzig, 1921.
18. *Mistel F.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1893.
19. *Sapir E.* Language. An introduction to the study of speech. N. Y., 1921.
20. *Schleicher A.* Zur vergleichenden Sprachgeschichte. Bonn, 1848.
21. *Март Н. Я.* Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. Баку, 1923.
22. Структурные общности кавказских языков / Под ред. Климова Г. А. М., 1987.
23. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / *Гумбольдт В.* Избр. тр. по языкознанию. М., 1984.
24. *Gabelentz G. von.* Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse // *Tübinger Beiträge zur Linguistik.* 1969. № 1.

25. *Boduэн де Куртене И. А.* О задачах языкознания // *Бодуэн де Куртене И. А.* Избр. тр. по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
26. *Mathesius V.* On linguistic characterology // *Actes du 1-er Congrès international des linguistes à la Haye.* Leiden, 1930.
27. *Jakobson F.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe // *TCLP.* 1929. 2.
28. *Mathesius V.* On potentiality of the phenomena of language // *A Prague school reader in linguistics* / Ed. by Vachek J. Bloomington, 1964.
29. *Skalička V.* Zur ungarischen Grammatik // *Skalička V.* Typologische Studien. Braunschweig — Wiesbaden, 1979.
30. *Степанов Ю. С.* Принцип детерминизма в современном языкознании // *Ленинизм и теоретические проблемы языкознания.* М., 1970.
31. *Ramat P.* *Linguistica tipologica.* Bologna, 1984.
32. *Skalička V.* Die Entwicklung der tschechischen Deklination // *Skalička V.* Typologische Studien. Braunschweig — Wiesbaden, 1979.
33. *Skalička V.* Über die Typologie der Bantusprachen // *Skalička V.* Typologische Studien. Braunschweig — Wiesbaden, 1979.
34. *Skalička V.* Das Erscheinungsbild der Sprachtypen // *Skalička V.* Typologische Studien. Braunschweig — Wiesbaden, 1979.
35. *Коротков М. Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка (Грамматическая природа словаря). М., 1968.
36. *Солнцева Н. В., Солнцева В. М.* Анализ и аналитизм // *Аналитические конструкции в языках различных типов.* М.—Л., 1965.
37. *Skalička V.* Konstrukt-orientierte Typologie // *Linguistica generalia.* 1. Studies in linguistic typology. Prague, 1977.
38. *Skalička V.* Ein «typologisches Konstrukt» // *TCP.* 1966. 2.
39. *Sgall P.* Die Sprachtypologie Skaličkas // *Skalička V.* Typologische Studien. Braunschweig — Wiesbaden, 1979.
40. *Sgall P.* Die Sprachtypen in der klassischen und der neueren Typologie // *Linguistics.* 1975. V. 144.
41. *Ineichen G.* *Allgemeine Sprachtypologie.* München, 1979.